

МЕРОПРИЯТИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ
ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА В «ОСТЛАНДЕ» В 1941 г.
(по материалам Латвийского государственного исторического архива
и Центрального архива ФСБ России)

В период, непосредственно предшествовавший нападению на СССР вопрос о будущей судьбе Прибалтики служил темой особенно интенсивной проработки в руководящих кругах нацистской партии, государства вооруженных сил. Так, на совещании А. Розенберга с руководителем военной разведки и контрразведки «Абвер» адмиралом В. Канарисом 31 мая 1941 г., Розенберг просил Канариса оказать помощь в подборе руководящих кадров и управленческого персонала для будущих оккупационных администраций на территории СССР из числа агентов «Абвера». Канарис дал соответствующее обещание, заявив, что такие люди у него найдутся [1].

Задачи практического осуществления колонизаторской политики германского нацизма на захваченных территориях Польши, Чехословакии и особенно Советского Союза получили свое концентрированное выражение в так называемом генеральном плане «Ост» (созданном в нескольких вариантах и до 1944 г. подвергавшемся коррективам). В разработку этого плана активно включился также весь многочисленный аппарат сформированного на основании указа Гитлера от 17 июля 1941 г. «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий во главе с Розенбергом. Оно должно было взять на себя внутреннее управление захваченными нацистами областями, а общее генеральное комиссар по делам Востока, подчинявшийся непосредственно фюреру. Имперские комиссариаты предполагалось создать по принципу провинциальных министерств рейха. Генеральные комиссариаты имели расширенные полномочия, соответствующие полномочиям глав самоуправлений в самой Германии, а областные комиссариаты планировалось построить по принципу ландратов — земельных советов. «Выкачать из

подчиненных областей все, что необходимо для германского государства и его вооруженных сил. Выполняя эти указания, нам нечего было считаться с потребностями местного населения. Волей Адольфа Гитлера является превратить в будущем территорию восточных областей в составную часть Германии и заселить ее немцами. Мы должны были руководиться этими указаниями и постепенно их осуществлять» [2, л. 274] – таковы были задачи генеральных и областных комиссариатов.

Оккупированная территория Прибалтики управлялась немецкой военной администрацией до 28 июля 1941 г. При этом военные руководствовались распоряжением Верховного главнокомандующего сухопутных сил Германии генерал-фельдмаршала Г. фон Браухича от 3 апреля 1941 г. о военном управлении занятых Восточных территорий [3, р. 60]. Затем была организована немецкая гражданская администрация, в подчинении у которой была и полиция. Оккупированная территория делилась на две зоны со строго определенными границами между ними. В первую входила полоса от линии фронта до тыловых границ групп армий. Во вторую – собственно тыл оккупированной советской территории. Во главе военной администрации стоял генерал-квартирмейстер верховного командования сухопутной армии. Вся остальная занятая вермахтом территория находилась под властью гражданского управления Имперского министерства по делам занятых Восточных областей, фактическая власть на местах находилась в руках рейхскомиссаров. Для управления подведомственной территорией Розенберг уже 14 июля 1941 г. издал временные положения для гражданского управления. Литва, Латвия, Эстония, северные области Белоруссии (Барановичская область, западные и северо-западные районы Минской области, северные районы Пинской области и часть районов Вилейской, Брестской и Полесской областей) были объединены в одно административно-территориальное образование – «Остланд». Управление всем гражданским населением этой территории было передано рейхскомиссару, чья штаб-квартира располагалась сначала в Каунасе, а затем в Риге. В министерстве Розенберга был создан отдел, который ведал делами немецкой администрации в Прибалтике, руководил им П. Клейст. Пост главы рейхскомиссариата «Остланд» занял Х. Лозе, в 1944 г. короткое время эту должность занимал Э. Кох.

Уже 21 июля 1941 г. А. Розенберг, рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, направил рейхскомиссару Остланда Х. Лозе инструкцию, касающуюся претворения в жизнь планов «освоения пространства и работы с населением подчиненных областей» Прибалтики: «район, расположенный между Нарвой и Тильзитом, всегда имел тесные связи с немецким народом. Семисотлетняя история внутренне сориентировала большую часть живущих там народов... эти народы свыклись со своей принадлежностью к жизненному пространству Великой Германии. Цель рейхскомиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии заключается в организации на этой территории протектората рейха, а затем путем привлечения на свою сторону

полноценных с расовой точки зрения элементов и мер по переселению в превращение этой территории в часть Германского рейха» [4].

28 июля 1941 г. Х. Лозе в своем воззвании к жителям официально объявил о введении гражданского управления в «Остланде». Однако гражданская власть там начала функционировать постепенно: 1 августа 1941 г. в Литве и только 5 декабря 1941 г. в Эстонии, которая была оккупирована нацистами позже остальных прибалтийских республик. Кроме того, такая «задержка» была связана с тем, что гражданское управление могло функционировать лишь на удалении 200 км от линии фронта [5, с. 27].

«Политическая задача в рейсхкомиссариате Остланд может быть решена только путем добровольного саморастворения народов. Создание же «головки» народного самоуправления делает достижение этой политической цели невозможным и даже опасным для политических и экономических интересов рейха» [6]. Руководству Остланда надлежало «препятствовать возникновению претензий на создание эстонского, латышского и литовского государств... Необходимо также постоянно давать понять, что все эти области подчиняются немецкой администрации, которая имеет дело с народами, а не с государствами» [4].

Остланд поделили на генеральные округа: Белоруссия, центр в Минске (генеральный комиссар В. Кубе, затем, после его убийства – К. фон Готберг), Литва, центр в Каунасе (генеральный комиссар Т. фон Рентельн), Латвия, центр в Риге (генеральный комиссар О. Дрекслер), Эстония, центр в Таллине (генеральный комиссар К. Литцман). Генеральные комиссариаты делились на окружные – гебитскокомиссариаты. Германское руководство прекрасно понимало, что без помощи местного населения эффективно управлять Остландом и реализовать проводимую политику невозможно. К тому же создание самоуправления, которое фактически являлось дополнительным элементом оккупационного режима и, что не менее важно, связующим звеном между нацистами и местным населением, позволяло сократить штат немецких чиновников, работавших в аппарате рейсхкомиссариата. Поэтому, помимо немецких генеральных комиссаров, в округах (за исключением Белоруссии) были созданы местные администрации, во главе которых стояли: в Литве – генеральный советник генерал П. Кубилюнас, в Латвии – генеральный директор внутренних дел генерал О. Данкерс, в Эстонии – национальный директор Х. Мяз. Территория «Остланда» составила 232 тыс. км², а население – 8 200 000 человек (по немецким данным) [7, с. 32].

Директива Розенберга от 7 марта 1942 г. конкретизировала функции управления генеральными округами и указывала, что непосредственная работа должна вестись силами сформированных из местных жителей учреждений. Немецкое руководство, говорилось в распоряжении Розенберга, «в этих трех генеральных округах (Литве, Латвии и Эстонии. – Ю.К.) будет осуществлять надзорные функции». В документе подчеркивалось, что высшая политическая власть и контроль по-прежнему сохраняются за немецкими учреждениями. Оговаривалось также, что количество генеральных директоров самоуправлений и объем работы, находящейся в их

компетенции, будут определять нацистские власти. О сколько-нибудь серьезной самостоятельности и независимости самоуправлений не было и речи. Их задача – выполнять указания нацистов [8, с. 249].

Начальник СС и полиции в рейхскомиссариате «Остланд» обергруппенфюрер Ф. Еккельн так характеризовал деятелей самоуправления: «Мне приходилось нередко сталкиваться с руководителями латвийского, литовского, эстонского «самоуправления»... Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки... Они считали, что если даже Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов и особенно коммунистов, так как без коммунистов им будет легче продать свои народы другим сильным державам мира» [9, л. 54].

Для нацистов германизация означала освоение захваченных земель немцами с последующим «вытеснением» вплоть до полного физического уничтожения или «растворяющей ассимиляции» местного населения. Стремясь германизировать оккупированные восточные регионы, нацисты планировали перевезти туда как можно больше немцев с территории рейха, непременно оберегая их от кровосмешения с местными жителями. Также предполагалось выделение из общей массы населения лиц немецкого происхождения (фольксдойче) и их «продвижения» на все социально и культурно значимые де-юре и де-факто посты [10, s. 448]. При этом годных к ассимиляции «с точки зрения расы» местных жителей Литвы, Латвии, Эстонии, надлежало переселить в Германию, в негодных – в отдаленные районы, на «русский Восток» или уничтожить.

Начальник специальной группы «Расовая политика» министерства Розенберга Э. Ветцель особое внимание уделял германизации интеллигенции. По мнению Ветцеля (ставшего позднее известным в качестве одного из авторов плана массового уничтожения людей в «душегубках»), она могла стать главным препятствием германизации народов Балтии. Участники заседания констатировали, что «преобладающая часть городской интеллигенции не расположена к германизации в целом и гражданскому управлению в особенности и практически не может быть использована». При всех обстоятельствах она любые явления и мероприятия будет стремиться использовать против немцев, в особенности, против немецкого управления, для агитации и создания трудностей, потому что интеллигенция с полным основанием желает быть самостоятельной частью государства. Именно потому против интеллигенции был направлен первый удар оккупационных властей. Как и против образования и науки, которые были сведены в Остланде на нет путем закрытия значительной части высших учебных заведений и практически всех научных центров. «Необходимо пресечь намерения относительно создания собственных эстонских, латышских, литовских и белорусских университетов и высших учебных заведений» [4]. По оценке Майера, из числа прибалтийского населения на месте нынешнего

проживания могут быть оставлены и онемечены свыше 50% эстонцев, до 50% латышей и до 15% литовцев [11].

По приказу Розенберга и Гиммлера для осуществления политики германизации Остланда начали функционировать учреждения Имперского комиссариата по укреплению немецкого народного духа и Центр по делам фольксдойче. Тогда же в Латвии, Эстонии и Литве были открыты переселенческие сельскохозяйственные школы – предполагалось, что после окончания войны представители титульных национальностей Прибалтики в качестве рабочей силы будут обрабатывать плодородные поля Третьего рейха – в Баварии, Пруссии, Саксонии и т.д.

Но еще в 1939 г. начался отбор колонистов из немцев для переселения в Остланд и его «естественной германизации». По поводу заселения восточных территорий Гиммлер говорил так: «Нашей задачей является германизировать Восток в старом смысле этого слова, т.е. ... заботиться о том, чтобы на Востоке жили бы только настоящие немцы, немецкой крови. Не считайте обеспеченным государство, если оно не может каждому предоставить землю и почву. Не забывайте, что священнейшее право на этом свете есть право на землю, которую хотят сами обустроить, и священнейшая жертва есть кровь, которую проливают за эту землю. Таким образом, победа на Востоке – предпосылка для обеспечения нашего будущего, когда жертвами приобретенная земля станет немецкой, немецкой через людей, которые ее заселяют и застраивают, немецкой через большую работу немецкого плуга» [12, л. 241].

Особое место в германизации Прибалтики уделялось национальному вопросу. 27 июля 1942 г. был подписан циркуляр рейхскомиссара Остланда Х. Лозе «О национальной политике в восточных областях», адресованный немецким комиссарам в различных городах. «Эстонцы, латыши и литовцы имеют тенденцию слиться с национальными меньшинствами проживающими на их территории. Немецкие власти считают эту ассимиляцию нежелательной, так как их больше устраивает существование отдельных национальных групп, чем монолитного народа. Кроме того ассимиляция могла бы привести к нарушению чистоты арийской крови... Что же касается дискриминации, которой подвергают латышские органы самоуправления национальные меньшинства, то она играет на руку большевикам, так как лица, подвергающиеся дискриминации, легче поддаются большевистской пропаганде, поэтому национальная политика должна находиться в руках немцев, а не местного самоуправления... Чтобы облегчить проведение в жизнь национальной политики, следует от каждой группы выделить доверенное лицо, которое представляло бы интересы той или иной национальной группы. Эти лица должны находиться при немецком комиссаре. Вопрос о евреях и цыганах должен решаться особо» [13, лр. 434–436].

18 августа 1941 г. было опубликовано распоряжение рейхскомиссара Остланда, в соответствии с которым вся собственность, принадлежавшая СССР на 22 июня 1941 г., переходила в собственность немецкого государства [14].

Промышленные предприятия на выгодных условиях были переданы крупным германским концернам. Крупные промышленные предприятия управлялись как военными властями, так и были переданы во временное управление немецким фирмам по отраслевому принципу. Часть крупных и средних предприятий и основная масса мелких были отданы их бывшим собственникам во временное управление и владение. (Право лишить временного управления или владения было, разумеется, оставлено на откуп оккупационным властям.)

В соответствии с директивами об «имущественном управлении Остландом» к весне 1942 г. все МТС были взяты под немецкий контроль. В них назначили управляющих – немцев, и в будущем они должны были быть переданы в собственность новым постоянным хозяевам, разумеется, «арийцам». Крупные дома, которые были национализированы советским правительством, их прежним владельцам не возвращались и были зачислены в разряд так называемых домов Остланда. Управление ими осуществлялось исключительно представителями «арийской расы».

Иллюзии о предоставлении суверенитета или хотя бы существования в статусе протекторатов должны были исчезнуть довольно быстро, поскольку практически сразу после занятия территории Прибалтики нацисты запретили использование национальных флагов и гимнов независимых Литвы, Латвии и Эстонии, равно как и празднование Дня независимости [15, с. 523]. Например, директивой рейхскомиссара Остланда от 5 ноября 1941 г. был отменен не только «назначенный» в 1940 г. советской властью праздник – День официального принятия Латвии в состав СССР, но и не возвращен День независимости, отмечаемый в течении 20 лет до 1940 г. Вместо этого был издан циркуляр о праздновании 1 июля – дня, когда немецкие войска вошли в Ригу [13, лр. 304], пышно отмечаемый как «день освобождения». Немецкой и местной прессе (т.е. издаваемой под контролем оккупационных властей на национальных языках) были даны указания «в своих заметках подчеркнуть», что любой иной день независимости «является чистой утопией» [13, лр. 305]. Аналогично нацисты поступили в отношении Литвы и Эстонии. Была введена цензура, в частности, в нацистских директивах, касающихся пропаганды на территории «Остланд», указывалось, что использование понятий «свобода», «государственная независимость» и «самостоятельность» запрещены даже при агитации вступления в добровольческие легионы СС [16, лр. 29–30]. Запрещено было празднование национальных праздников, имеющих «политическое значение» – т.е. связанных с историей национально-освободительного движения, военной историей, историей культуры. Из всех сфер общественной жизни, включая радиовещание и театр, вытеснялись национальные языки [15, с. 519–526]. Категоричны были оккупационные власти и в пресечении любых попыток восстановить общественно-политическую жизнь в Прибалтике: помимо закономерного (и радостно воспринятого населением) запрета коммунистической партии и реквизиции (в пользу рейха) ее имущества, немцы уже в сентябре 1941 г. запретили и «основание всяких других политических партий», ограничив и иные проявления

социальной активности: «Общественные собрания могут происходить только с разрешения гебитскомиссаров» [13, лр. 386–389]. Особое внимание уделялось прогерманской пропаганде среди молодежи и созданию нацистских организаций в Остланде. Для них выделялось особое финансирование [17, лр. 25–52]. В директивах о работе с этой категорией населения в оккупированных областях Прибалтики говорится, что для более эффективной деятельности по привлечению молодежи на свою сторону немецкая администрация должна иметь полное представление о численности молодежи в этих областях, о ее моральном облике, о ее трудовых навыках, должна вникать во все стороны ее жизни и «направлять эту жизнь в русло германизации». «Без ведома немецких властей органы самоуправления не имеют права проводить какие-либо, связанные с молодежью, мероприятия. Необходимо четко структурировать работу с молодежью начиная со школы ... для воспитания ее в немецком духе» [17, лр. 25–52].

Государственным языком в рейхскомиссариате «Остланд» стал немецкий (в соответствии с указом Х. Лозе от 1 сентября 1941 г.) – это являлось одним из непреложных аспектов германизации. Использование латышского, литовского, эстонского языков допускалось лишь вне официальных учреждений и в структурах низового административного уровня.

Таковы в целом были мероприятия по установлению нацистского оккупационного режима в 1941 – первой половине 1942 г. на территории «Остланд».

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов, Д. Что ждало жителей рейхскомиссарита Остланд. Нацистская программа колонизации Прибалтики / Д. Давыдов // Независимая газета. – 1994. – 21 июня.
2. Центральный архив Федеральной Службы безопасности России (ЦА ФСБ России). АСД №Н-18313, т.1. Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г.
3. Turonek, J. Białoruś pod okupacją niemiecką / J. Turonek. – Warszawa, 1993.
4. Инструкция А. Розенберга Х. Лозе от 21.07.1941 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hronos.km.ru/dokum/194_dok/19410721.html.
5. Станкерас, П. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 гг. / П. Станкерас. – М., 2009.
6. Latvijas Valsts Vestures arhivs (LVVA). – F. P-69. – Ap.1a. Lielā. – Lp. 182.
7. Рюруп, Р. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. / Р. Рюруп. – Берлин, 1992.
8. История Латвии: XX век / сост. Д. Блейере [и др.]; пер. Ж. Эзит. – Рига: ООО «J.L.V.», 2005.
9. ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т.1 Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 21.12.1945 г.
10. Bubnis, A. Vokieciu Okupuota . Lietuva (1941–1944) / A. Bubnis. – Vilnius, 1998.